

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.

DOI: 10.24412/2949-0871-2026-4-65-70

Дата принятия рукописи в печать: 11.09.2026 г.

ИВАНОВА Татьяна Анатольевна,
соискатель, юридический факультет,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18,
e-mail: 89093089399@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦАМ С ПРИЗНАКАМИ ФИКТИВНОСТИ В НАЛОГОВОМ ПРАВЕ

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется система правовых средств, применяемых для выявления и пресечения деятельности юридических лиц с признаками фиктивности в налоговой сфере. Основное внимание уделено изменению их функционального назначения в условиях цифровизации налогового администрирования. Методологическую основу составили формально-юридический, историко-правовой, системно-структурный и сравнительно-аналитический методы, позволившие сопоставить содержание нормативных предписаний и практику их реализации. На основе анализа законодательства, судебных актов, документов ФНС России и научных подходов показано, что такие средства не образуют самостоятельного репрессивного института, а действуют как взаимосвязанные элементы регистрационного, налогового, финансового, межведомственного и судебного регулирования. Установлено, что развитие рассматриваемой системы прошло три этапа: преобладание регистрационно-административных мер, расширение реестровой прозрачности и контрагентской проверки, переход к автоматизированному риск-ориентированному контролю. Выявлено, что цифровая трансформация изменила способы обнаружения сомнительных операций, но не устранила необходимость процессуального доказывания обстоятельств налогового правонарушения. Обосновано разграничение между информационным сигналом и доказательством: массовый адрес, номинальное руководство, отсутствие персонала, имущества или иных ресурсов указывают на вероятность нарушения и позволяют сформировать проверочную гипотезу, однако не подтверждают сами по себе фиктивность организации, нереальность сделки либо получение необоснованной налоговой выгоды. Сделан вывод, что допустимость использования аналитических систем должна определяться законностью критериев отбора, достоверностью исходных данных, объяснимостью полученного результата и возможностью его оспаривания. Предложено рассматривать современный механизм противодействия как последовательность взаимосвязанных процедур, включающую выявление риска, проверку фактических обстоятельств, правовую квалификацию, принятие мотивированного решения и его административный или судебный пересмотр.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: налоговое право, налоговый контроль, юридическое лицо, признаки фиктивности, риск-ориентированный подход, цифровизация, средства, межведомственное взаимодействие.

IVANOVA Tatiana Anatolyevna,
Degree Applicant, Faculty of Law,
Kazan Federal University

THE LEGAL NATURE AND EVOLUTION OF INSTRUMENTS FOR COUNTERING LEGAL ENTITIES DISPLAYING SIGNS OF FICTITIOUSNESS IN TAX LAW

ANNOTATION. The article examines the legal instruments used to identify and counter legal entities displaying signs of fictitiousness in taxation. It focuses on their changing functions under the digital transformation of tax administration. The study employs formal legal, historical legal, systemic-structural, and comparative analytical methods. Analysis of legislation, judicial decisions, documents issued by the Federal Tax Service of Russia, and scholarly approaches shows that these instruments do not form an autonomous repressive institution but operate as interconnected elements of registration, tax, financial, inter-agency,

and judicial regulation. Three stages in the development of the system are identified: the predominance of registration and administrative measures; the expansion of registry transparency and counterparty verification; and the transition to automated risk-based control. Digital transformation has changed the methods used to detect suspicious transactions but has not eliminated the need to prove a tax offence through legally prescribed procedures. The study distinguishes between an information-based risk signal and legal evidence. A mass registration address, nominal management, and the absence of personnel, assets, or other resources may justify enhanced scrutiny, but do not in themselves prove that an entity is fictitious, that a transaction is unreal, or that an unjustified tax benefit has been obtained. It is concluded that analytical systems may be used only where selection criteria are lawful, source data are reliable, results are explainable, and effective review is available. The modern counteraction mechanism should be understood as a sequence comprising risk identification, factual verification, legal qualification, a reasoned decision, and administrative or judicial review.

KEY WORDS: tax law, tax control, legal entity, signs of fictitiousness, risk-based approach, digitalization, legal instruments, inter-agency cooperation.

Введение. Использование юридических лиц, не ведущих самостоятельной хозяйственной деятельности, либо формально включённых в документооборот для создания видимости операций, остаётся одной из наиболее сложных проблем налогового контроля. Законодательство не закрепляет универсального понятия «фиктивное юридическое лицо», а правоприменение использует близкие, но не тождественные обозначения: «техническая компания», «фирма-однодневка», «номинальная структура», «компания-оболочка». Поэтому противодействие не может основываться на одном формальном признаке – оно осуществляется посредством совокупности регистрационных, информационных, контрольных, обеспечительных и судебных средств, применяемых с учётом фактической роли организации в конкретной хозяйственной операции.

Научная проблема состоит в том, что цифровые средства выявления налоговых рисков развиваются быстрее, чем формируется их целостное правовое регулирование. По мере расширения использования сведений из государственных информационных ресурсов и автоматизированной аналитики, включающей сопоставление отчётности, выявление противоречий и установление связей между участниками операций, всё большее значение приобретает разграничение сигнала риска, служащего основанием для дополнительной проверки, и допустимого доказательства, подтверждающего фактические обстоятельства налогового правонарушения.

Цель статьи – раскрыть правовую природу инструментов противодействия юридическим лицам с признаками фиктивности, проследить их эволюцию и определить правовые условия их допустимого применения.

Материалы и методы. Нормативную и правоприменительную основу исследования составили законодательство о государственной регистрации юридических лиц, статья 54.1 НК РФ, Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53, судебные позиции по вопросам обоснованности налоговой выгоды и документы ФНС России, регулирующие оценку обстоятельств хозяйственных операций и информаци-

онное взаимодействие, а теоретическую основу – работы по проблемам правового регулирования, налогового контроля, риск-ориентированного администрирования и цифровизации. Формально-юридический метод использован для анализа содержания правовых норм, историко-правовой – для изучения развития модели контроля, системно-структурный – для выявления связей между группами инструментов.

Результаты и обсуждение. Правовые средства противодействия юридическим лицам с признаками фиктивности рассматриваются как элементы механизма правового регулирования. Т.Н. Радько определяет такой механизм как «систему правовых средств, осуществляющих одновременное взаимосвязанное регулирование общественных отношений определённого вида, реализуемую в конкретной правовой ситуации» [1, с. 578], а правовое регулирование – как «регламентацию общественных отношений посредством общеобязательных правил поведения и основанных на них предписаний индивидуального значения, обеспеченных в необходимых случаях государственным принуждением» [1, с. 578]. В налоговой сфере общие требования к учёту и достоверности сведений сочетаются с индивидуальными решениями по результатам проверки операций, а инструменты должны иметь нормативное основание и установленный порядок применения.

Исходя из такого понимания механизма правового регулирования, инструменты противодействия юридическим лицам с признаками фиктивности обладают двойственной, регулятивно-охранительной природой, и их регулятивная функция выражается в установлении правил регистрации, раскрытия сведений, ведения учёта, представления отчётности и выбора контрагента, тогда как охранительная функция проявляется в выявлении и пресечении искажений налоговой базы, взыскании недоимки, применении ответственности и исключении недостоверных сведений из реестра.

Для раскрытия правовой природы указанных инструментов необходимо обратиться к истории их формирования, и первый этап, охватывающий

1990-е – начало 2000-х годов, характеризовался преобладанием регистрационно-административных и последующих контрольных мер. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ установил единый порядок государственной регистрации и ведения ЕГРЮЛ, закрепив механизмы реагирования на недостоверность сведений [3], однако ведомственные ресурсы оставались разрозненными, а нарушения выявлялись преимущественно после представления отчётности или совершения спорных операций. Я.Ф. Гужвинская отмечала необходимость согласованного изменения налогового законодательства и процедур контроля финансовых операций [4, с. 137–142], а И.Р. Пайзулаев связывал отсутствие чётких принципов контроля с практическими затруднениями и риском нарушения прав налогоплательщиков [5, с. 26]. Таким образом, ограниченность ранней модели объяснялась тем, что расширение контрольных полномочий не сопровождалось формированием единых принципов оценки, а потому не обеспечивало устойчивой профилактики нарушений и достаточных гарантий для проверяемых лиц.

По мере накопления опыта регистрационно-го и последующего налогового контроля возникла потребность в более открытой информационной модели, и второй этап, условно относимый к концу 2000-х – первой половине 2010-х годов, оказался связан с развитием электронных реестров, открытых сервисов проверки сведений и судебной доктрины необоснованной налоговой выгоды. Информационная прозрачность изменила распределение ролей между государством и участниками экономического оборота, и государственные ресурсы стали использоваться не только налоговыми органами, но и налогоплательщиками при выборе контрагентов. ФНС России раскрывает должную осмотрительность как использование доступных возможностей и инструментов для получения и проверки информации о потенциальном контрагенте [6], однако такое понимание не возлагает на налогоплательщика безусловную обязанность гарантировать добросовестность другого лица. Объём разумной проверки определяется условиями сделки, обычной деловой практикой, доступностью информации и характером выявленных несоответствий, а неблагоприятные налоговые последствия требуют установления юридически значимых обстоятельств, а не констатации неполноты контрагентского досье.

Одновременно с расширением информационной прозрачности формировались нормативные и судебные ориентиры оценки спорных операций, и Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 закрепило основные подходы к определению обоснованности налоговой выгоды и реальности хозяйственных операций [11]. В дальнейшем статья 54.1 НК РФ установила пределы осуществления прав по исчислению

налоговой базы и суммы налога, связав последствия с искажением сведений о фактах хозяйственной жизни, целью операции и исполнением обязательства надлежащим лицом [10], а письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060@ систематизировало подходы к доказыванию обстоятельств применения статьи 54.1 НК РФ [12]. Тем самым категория «фиктивности» получила не самостоятельное карательное, а инструментальное значение, и признаки организации должны оцениваться во взаимосвязи с конкретной операцией, её фактическим исполнителем, деловой целью, осведомлённостью налогоплательщика и полнотой доказательств.

Дальнейшее развитие информационных ресурсов и методов обработки сведений обусловило переход к новому этапу, и третий период, начавшийся в середине 2010-х годов и продолжающийся в настоящее время, характеризуется цифровизацией налогового администрирования, интеграцией данных и риск-ориентированным отбором объектов контроля. Н.Р. Суслов отмечает, что цифровизация систем учёта и контроля трансформирует модель налогового администрирования, а на платформах ФНС России автоматизируются документооборот и обработка налоговой отчётности [7, с. 290]. По мнению Е.Н. Захаровой и С.К. Содномовой, риск-ориентированный подход способен повысить эффективность проверок и сократить число выездных контрольных мероприятий [8, с. 650], а его результативность связывается с ростом доли обоснованно отобранных проверок [8, с. 657]. Аналогичная тенденция прослеживается в международных материалах, и современные налоговые администрации переходят к цифровой трансформации, при которой данные используются для управления рисками несоблюдения законодательства и более адресного взаимодействия с налогоплательщиками [9; 17, р. 11].

В результате прохождения указанных этапов современная система противодействия юридическим лицам с признаками фиктивности сформировалась как комплексная модель, сочетающая регистрационные процедуры, налоговый контроль, цифровую обработку данных и межведомственное взаимодействие, а её содержание раскрывается через несколько взаимосвязанных групп механизмов.

Центральное место в рассматриваемой системе занимают налогово-правовые механизмы, к которым относятся применение статьи 54.1 НК РФ и критериев обоснованности налоговой выгоды, проведение налоговых проверок, истребование документов, анализ цепочек операций, использование электронной отчётности, информационных ресурсов ФНС России и риск-ориентированного отбора объектов контроля. Приостановление операций по счетам допускается только по основаниям статьи 76 НК РФ, а отказ в применении налоговых вычетов возможен лишь

после установления обстоятельств конкретного нарушения. Правовую основу данных средств образуют глава 14, статьи 54.1 и 76 НК РФ, а также письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060@ [10; 12], и их назначение заключается в выявлении противоречий в отчётности, проверке реальности хозяйственных операций и предупреждении искажения налоговой базы.

Наряду с налогово-правовыми средствами действуют финансово-правовые механизмы, которые охватывают внутренний контроль в финансовых организациях, идентификацию клиентов, выгодоприобретателей и бенефициарных владельцев, выявление контролируемых операций и применение предусмотренных законом мер при возникновении подозрений в легализации преступных доходов. Основу данной группы составляют Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ [18] и нормативные акты Банка России о внутреннем контроле, а соответствующие механизмы обеспечивают прослеживаемость финансовых потоков, препятствуют использованию формально действующих организаций в сомнительных операциях и позволяют передавать уполномоченным органам сведения для правовой оценки.

Сведения, необходимые для выявления фиктивных структур, формируются различными органами и организациями, поэтому отдельную группу образуют межведомственные механизмы, включающие взаимодействие ФНС России, Росфинмониторинга, Банка России и правоохранительных органов, сопоставление регистрационных, налоговых и транзакционных данных, а также использование системы межведомственного электронного взаимодействия. Нормативную основу такого сотрудничества образует соглашение ФНС России и Росфинмониторинга от 15 октября 2015 г. № 01-01-14/22440/ММВ-23-2/77@ [14], а применение указанных инструментов позволяет выявлять несогласованность сведений и связи между участниками операций, однако информационный обмен должен осуществляться с соблюдением режима налоговой и иной охраняемой законом тайны.

Завершающим элементом системы выступают судебно-правовые механизмы, которые включают проверку допустимости доказательств, оценку реальности операций, установление фактического исполнителя обязательства, исследование деловой цели и контроль мотивированности решений налоговых органов. Основу данной группы составляют статья 54.1 НК РФ [10], Постановление Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 [11] и сформированные судами правовые позиции, а её назначение состоит в разграничении законной налоговой оптимизации и противоправного искажения налоговой базы, обеспечении единообразия практики и защите налогоплательщика от вывода о фиктивности, основанного только на формальных риск-инди-

каторах.

После определения основных групп механизмов необходимо установить значение признаков сомнительных организаций, и массовый адрес, неоднократное участие лица в руководстве, недостоверность сведений, отсутствие работников или ресурсов следует оценивать как вероятностные показатели. Они могут иметь законное объяснение: использование бизнес-центра или адреса управляющей компании, привлечение подрядчиков, аренду имущества либо централизованное управление группой. Следовательно, формальный индикатор служит основанием для проверки, но не предрешает вывод о фиктивности, а юридическое значение приобретает совокупность обстоятельств, подтверждающая отсутствие самостоятельной воли и реального исполнения, искусственный документооборот, подконтрольность участников и направленность действий на искажение налоговой базы.

Вывод о вероятностном характере формальных признаков приобретает особое значение при автоматизированном анализе, и алгоритмический профиль риска выполняет ориентирующую и организационную функцию, помогая распределить контрольные ресурсы, обнаружить взаимосвязи и сформировать проверяемую гипотезу. Вместе с тем такой профиль не заменяет установление фактических обстоятельств и их правовую квалификацию, а иное понимание привело бы к переносу бремени доказывания на налогоплательщика и оценке его поведения на основании непрозрачных критериев. Поэтому результат аналитической обработки должен быть объясним в той мере, в какой он используется при принятии властного решения, а налогоплательщик должен понимать, какие операции и несоответствия исследуются, иметь возможность представить пояснения и документы, а также оспорить выводы налогового органа. В свою очередь, результативность автоматизированного анализа зависит от качества информации, поэтому межведомственное взаимодействие усиливает профилактический потенциал системы. Соглашение ФНС России и Росфинмониторинга от 15 октября 2015 г. предусматривает информационный обмен между службами [14], а теория раннего предупреждения связывает эффективность с выявлением риска, мониторингом, передачей сигнала и своевременным реагированием [15]. Вместе с тем объединение данных требует соблюдения целей обработки, режима охраняемой законом тайны, разграничения доступа и фиксации источника, а исходная ошибка не должна воспроизводиться в ведомственных системах и превращаться в устойчивую негативную характеристику организации.

Изложенные положения позволяют перейти к оценке места информационных процедур в системе налогового контроля, направленного на обеспечение полноты и своевременности упла-

ты налогов, соблюдение законодательства и применение ответственности за нарушения [13, с. 198]. Цифровые технологии расширяют аналитические возможности налоговых органов и позволяют проводить проверки после выявления вероятных схем уклонения средствами предиктивной аналитики [16, с. 18], однако результативность автоматизированного отбора необходимо отличать от доказанности налогового нарушения. В связи с этим законная модель контроля должна включать последовательные стадии: риск-сигнал, проверочную гипотезу, сбор и оценку доказательств, мотивированное решение и его обжалование, а соблюдение этой последовательности обеспечивает совместимость цифрового контроля с принципами законности, равенства и правовой определённости.

Заключение. Эволюция инструментов противодействия юридическим лицам с признаками фиктивности прошла путь от регистрационного фильтра и разрозненного последующего контроля к системе реестровой прозрачности, риск-ориентированного анализа и межведомственного информационного взаимодействия. Правовая природа этой системы является ком-

плексной и регулятивно-охранительной: она направлена как на предупреждение и пресечение искажений налоговой базы, так и на формирование предсказуемых правил добросовестного экономического поведения.

Отсутствие универсального определения фиктивной организации не позволяет приравнивать риск-индикаторы к нарушению: массовый адрес, номинальное руководство, малочисленный персонал и иные признаки требуют проверки, однако выводы требуют оценки их совокупности, реальности операции, фактического исполнителя, деловой цели и осведомлённости налогоплательщика. Перспективное развитие рассматриваемых инструментов должно сопровождаться нормативной определённой критериев, контролем качества исходных данных, объяснимостью аналитических выводов, сохранением процессуального доказывания и эффективным механизмом обжалования. При соблюдении этих условий цифровизация усиливает налоговый контроль, не превращая риск-профиль организации в необратимую презумпцию её недобросовестности.

Список литературы:

- [1] Радько Т.Н. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2010. 752 с.
- [2] Казачкова З.М., Казачков В.А. Экспертиза в налоговом праве и процессе: инструментальный подход // *Налоги*. 2018. № 1. С. 14.
- [3] Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // *Собрание законодательства РФ*. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3431.
- [4] Гужвинская Я.Ф. Контроль как способ борьбы с фирмами-«однодневками» // *Евразийский научный журнал*. 2015. № 6. С. 137–142.
- [5] Пайзулаев И.Р. Становление и развитие системы налогового администрирования в Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. М., 2012. С. 26.
- [6] Должная осмотрительность при выборе контрагента. Возможные инструменты проверки благонадёжности потенциального поставщика / ФНС России. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn25/ifns/r25_14/info/9126829/ (дата обращения: 17.07.2026).
- [7] Суслов Н.Р. Налоговый контроль в условиях цифровизации // *Правовые аспекты жизни человека и общества*. 2023. № 2. С. 290.
- [8] Захарова Е.Н., Содномова С.К. Необходимость риск-ориентированного подхода в налоговом контроле // *Известия Байкальского государственного университета*. 2018. Т. 28. № 4. С. 648–659.
- [9] *Tax Administration Digitalisation and Digital Transformation Initiatives*. Paris: OECD Publishing, 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/tax-administration-digitalisation-and-digital-transformation-initiatives_c076d776-en.html (accessed: 17.07.2026).
- [10] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ. Ст. 54.1 // *Собрание законодательства РФ*. 1998. № 31. Ст. 3824.
- [11] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // *Вестник ВАС РФ*. 2006. № 12.
- [12] Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации». URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/about_nalog/10687108/ (дата обращения: 17.07.2026).
- [13] Прокопович В.П. Налоговый контроль как основа государственного управления в сфере налогообложения // *Актуальные проблемы государства и права в славянском мире: материалы международной научно-практической конференции*. Тамбов, 2007. С. 198.
- [14] Соглашение о сотрудничестве и организации информационного взаимодействия Федеральной службы по финансовому мониторингу и Федеральной налоговой службы от 15.10.2015 № 01-01-

14/22440/MMB-23-2/77@. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/fts/ptdsogl/16563460/ (дата обращения: 17.07.2026).

[15] Klopota I., Zoroja J., Meško M. Early warning system in business, finance, and economics: Bibliometric and topic analysis // *International Journal of Engineering Business Management*. 2018. Vol. 10. P. 1–12. DOI: 10.1177/1847979018797013.

[16] Ефремова А. Цифровизация налогового администрирования в России: проблемы и перспективы // *Налоги*. 2021. № 1. С. 18.

[17] *Compliance Risk Management: Managing and Improving Tax Compliance*. Paris: OECD Publishing, 2004. 73 p.

[18] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // *Собрание законодательства РФ*. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

References:

[1] Radko T.N. *Theory of State and Law: Textbook*. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2010. 752 p.

[2] Kazachkova Z.M., Kazachkov V.A. *Expert Assessment in Tax Law and Procedure: An Instrumental Approach* // *Taxes*. 2018. No. 1. P. 14.

[3] Federal Law No. 129-FZ dated August 8, 2001, «On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs» // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2001. No. 33 (Part I). Art. 3431.

[4] Guzhvinskaya Ya.F. Control as a Method of Combating «Shell» Companies // *Eurasian Scientific Journal*. 2015. No. 6. Pp. 137–142.

[5] Paizulaev I.R. *Formation and Development of the Tax Administration System in the Russian Federation: Theoretical and Practical Issues: Abstract of Doctoral Dissertation (Economics)*. Moscow, 2012. P. 26.

[6] *Due Diligence in Selecting a Counterparty: Possible Tools for Verifying the Reliability of a Potential Supplier* / Federal Tax Service of Russia. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn25/ifns/r25_14/info/9126829/ (accessed: July 17, 2026).

[7] Suslov N.R. *Tax Control in the Context of Digitalization* // *Legal Aspects of the Life of the Individual and Society*. 2023. No. 2. P. 290.

[8] Zakharova E.N., Sodnomova S.K. The Necessity of a Risk-Based Approach in Tax Control // *Bulletin of Baikal State University*. 2018. Vol. 28. No. 4. Pp. 648–659.

[9] *Tax Administration Digitalisation and Digital Transformation Initiatives*. Paris: OECD Publishing, 2025. URL: https://www.oecd.org/en/publications/tax-administration-digitalisation-and-digital-transformation-initiatives_c076d776-en.html (accessed: 17.07.2026).

[10] *Tax Code of the Russian Federation (Part One)* dated July 31, 1998, No. 146-FZ. Art. 54.1 // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 1998. No. 31. Art. 3824.

[11] Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated October 12, 2006, No. 53 “On the Assessment by Arbitration Courts of the Justification for a Taxpayer Obtaining a Tax Benefit” // *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2006. No. 12.

[12] Letter of the Federal Tax Service of Russia dated March 10, 2021, No. BV-4-7/3060@ “On the Practice of Applying Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation.” URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/about_nalog/10687108/ (accessed: 17.07.2026).

[13] Prokopovich V.P. *Tax Control as the Basis of State Administration in the Sphere of Taxation* // *Current Problems of the State and Law in the Slavic World: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Tambov, 2007, p. 198.

[14] *Agreement on Cooperation and Organization of Information Exchange between the Federal Financial Monitoring Service and the Federal Tax Service* dated October 15, 2015, No. 01-01-14/22440/MMV-23-2/77@. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/fts/ptdsogl/16563460/ (accessed: July 17, 2026).

[15] Klopota I., Zoroja J., Meško M. Early warning system in business, finance, and economics: Bibliometric and topic analysis // *International Journal of Engineering Business Management*. 2018. Vol. 10. P. 1–12. DOI: 10.1177/1847979018797013.

[16] Efremova A. *Digitalization of tax administration in Russia: problems and prospects* // *Nalogi [Taxes]*. 2021. No. 1, p. 18.

[17] *Compliance Risk Management: Managing and Improving Tax Compliance*. Paris: OECD Publishing, 2004. 73 p.

[18] Federal Law No. 115-FZ dated August 7, 2001, «On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds Obtained by Criminal Means and the Financing of Terrorism» // *Collected Legislation of the Russian Federation*. 2001. No. 33 (Part I), Art. 3418.